

О самоценности демократии

Шавеко Николай Александрович

Канд. юрид. наук, ст. науч. сотр.

ORCID: 0000-0002-5481-7425, e-mail: shavekonikolai@gmail.com

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
620108, Софьи Ковалевской ул., 16, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация

Цель работы – рассмотреть наиболее распространенные аргументы, приводимые в поддержку демократии как процедуры принятия общих решений, справедливой самой по себе, а не с точки зрения достигаемого этой процедурой результата. Применяются типичные для такого рода исследования методы критического, формально-логического, нормативного анализа. Поскольку самоценность демократической процедуры обосновывается обычно со ссылкой на три базовых принципа, – народное самоуправление, политическое равенство и принцип большинства – задачей исследования является рассмотрение каждого из них. Показывается, что идеал самоуправления не абсолютен даже на индивидуальном уровне; если же говорить о самоуправлении целого народа, то приходится констатировать, что понятия воли народа, коллективной воли или общей воли являются фикцией, не имеющей реального смысла без соотнесения с конкретной процедурой голосования. Демонстрируется, что политическое равенство также не является абсолютной ценностью, и часто кажущиеся привычными и оправданными политические институты прямо исходят из нарушения принципа политического равенства. В итоге делается вывод, что самоценность демократии налицо лишь тогда, когда мы принимаем сразу два идеала – индивидуальное самоуправление и политическое равенство – и одновременно отрицаем существование и познаваемость содержательного идеала справедливости. Наконец, исследуется принцип принятия решений абсолютным большинством голосов как принцип, лежащий в основе многих нормативных обоснований демократии. Анализ аргументов, приводимых в поддержку правила большинства, выявляет не только зависимость этих аргументов от конкретных обстоятельств, но и то, что почти все они отсылают к содержательным, а не процедурным критериям. Иными словами, принцип большинства – равно как и другие процедуры принятия коллективных решений – ценится, скорее, по результатам, к которым он приводит, чем сам по себе.

Ключевые слова: демократия, политическое равенство, самоуправление, правило большинства, воля народа, общая воля, справедливость, критерий Кондорсе

Для цитирования: Шавеко Н.А. О самоценности демократии//Управление. 2024. Т. 12. № 4. С. 109–118. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-4-109-118

Received: 13.09.2024

Revised: 05.12.2024

Accepted: 19.12.2024

On the intrinsic value of democracy

Nikolai A. Shaveko

Cand. Sci. (Jur.), Senior Researcher

ORCID: 0000-0002-5481-7425, e-mail: shavekonikolai@gmail.com

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16, Sofya Kovalevskaya ul., Yekaterinburg 620108, Russia

---

Abstract

The article aims to consider the most common arguments in support of democracy as a procedure for making general decisions that is fair in itself, and not in terms of the result achieved. The methods of critical, logical, and normative analysis typical for this kind of research are used. Since the intrinsic value of the democratic procedure is usually justified with reference to three basic principles, people's self-government, political equality and majority rule, the three tasks of the article are to consider each of them. It is shown that the ideal of self-government is not absolute even at the individual level; if we talk about the self-government of an entire people, then we have to state that the concepts of the will of the people, collective will or common will are fiction that has no real meaning without reference to a specific voting procedure. It is demonstrated that the political equality is also not an absolute value, and often seemingly habitual and justified political institutions directly proceed from a violation of the principle of the political equality. As a result, it is concluded that the intrinsic value of the democracy is evident only when we accept two ideals at once – individual self-government and political equality – and at the same time deny the existence and knowability of the substantive ideal of justice. Finally, the principle of decision-making by an absolute majority of votes is investigated as the principle underlying many normative justifications of the democracy. An analysis of the arguments given in support of the majority rule reveals not only the dependence of these arguments on specific circumstances, but also that almost all of them refer to substantive rather than procedural criteria. In other words, the majority principle – as well as other collective decision-making procedures – is valued more by the results it leads to than by itself.

Keywords: democracy, political equality, self-government, majority rule, will of the people, common will, justice, Condorcet criterion

---

For citation: Shaveko N.A. (2024). On the intrinsic value of democracy. *Upravlenie / Management (Russia)*, 12 (4), pp. 109–118. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-4-109-118

Введение / Introduction

Демократию принято считать наилучшей формой правления. При этом в обширной литературе предлагаются самые различные обоснования указанного тезиса. Довольно часто все нормативные оправдания демократии делят на два вида, а именно: демократия оправдывается, во-первых, как справедливая процедура сама по себе (с точки зрения процедурной справедливости), а во-вторых, как наилучшее средство для достижения справедливого результата (с точки зрения содержательной справедливости). Цель данной статьи – рассмотреть нормативные обоснования первого типа, то есть наиболее часто встречающиеся доводы в поддержку самооценности демократической процедуры, и выявить свойственные таким доводам проблемные места.

Позиция, согласно которой демократия как политическое участие народа в принятии затрагивающих его решений сама является неотъемлемым элементом справедливости, а не только средством ее достижения, основывается обычно либо на идее народного самоуправления, либо на идее политического равенства. Кроме того, нередко демократия отождествляется с той или иной процедурой принятия решений (например, по правилу большинства или по правилу единогласия), которая сама по себе полагается справедливой. С учетом изложенного, задачей статьи будет рассмотрение каждого из этих возможных обоснований поочередно.

Актуальность исследования нормативных обоснований демократии, как представляется, обусловлена тем, что в условиях кризиса идеала либеральной демократии и увеличения количества авторитарных стран требуется критический пересмотр нормативных обоснований демократической формы правления. Значимость такого исследования состоит в том, что оно позволит выявить относительность и ограниченность идеалов народного суверенитета, политического равенства и правила большинства, которые во многих западных трудах принимаются безапелляционно, а также показать необходимость и ключевую роль иных – инструментальных – обоснований демократии.

Самоуправление народа / Self-government of the people

Начнем с идеи народного самоуправления. Действительно, кажется интуитивно привлекательной точка зрения, в силу которой человек вправе сам определять свою судьбу, и именно его собственное свободное решение является априори правильным (даже если с точки зрения стороннего наблюдателя

этот человек вредит самому себе или даже если он в будущем разочаруется в своем решении). Отсюда и коллектив (народ) также должен иметь право самостоятельно управлять собой. Однако у этой идеи, как представляется, есть ряд слабых мест.

Самоуправление индивида / Individual autonomy

В первую очередь даже в идеале не каждый человек сам определяет свою судьбу. Например, чтобы решения человека считались свободными, он сначала должен стать дееспособным. Следовательно, недееспособные не вправе принимать решения, определяющие их судьбу (и мы обычно считаем совершенно нормальным, когда кто-то принимает соответствующие решения за них). Это порождает проблему критериев дееспособности, ведь данные критерии должны быть определены кем-то заранее. Данная мысль была подробно развита еще Р. Штаммлером, который оспаривал возможность анархизма в значении социума, где на людей распространяются лишь те нормы, на которые они дали свое согласие. По замечанию этого мыслителя, чтобы дать на что-либо согласие (нем. *Konvention*), человек прежде всего должен быть «сделкоспособен» (нем. *Konventionsfähig*), однако критерии самой сделкоспособности всегда самовластны, то есть не зависят от согласия, оцениваемого с точки зрения данных критериев лица [Штаммлер, 1906, с. 66–67]. Конечно, на практике мы можем вполне убедительно обосновать те или иные критерии дееспособности. Однако теоретическая проблема, связанная с идеей самоуправления, остается. Демократия не может означать свободу абсолютно каждого определять свою судьбу, поскольку свобода сама по себе подразумевает некоторый уровень социально-психического развития. Схожая проблема возникает в рамках межпоколенческих отношений. Дело в том, что выбор, который мы делаем, оказывает влияние и на будущие поколения, которые объективно не могут принимать политическое участие в решении затрагивающих их проблем. Получается, что наши потомки не сами определяют свою судьбу: мы делаем это за них.

Таким образом, известная доля патернализма просто неизбежна. Обычно этот факт сам по себе признается, и авторы заняты, скорее, вопросом о том, когда именно патернализм оправдан, чем вопросом о том, оправдан ли он в принципе [Goodin, 2003]. Вероятно, демократию вообще следует понимать не как правление в соответствии с мнением подвластных, а как правление в соответствии с интересами подвластных, даже если сами подвластные их не до конца осознают. Однако демократы все же полагают, что в большинстве случаев мнение

человека о собственных интересах и сами эти интересы совпадают, а какая-либо внешняя инстанция, могущая авторитетно судить об интересах людей, просто отсутствует. Если так, то спор идет уже относительно общих фактов об окружающем мире, способствующих достижению содержательной правильности результатов демократических процедур, а не относительно самооценности этих процедур. Спор о должном между демократами и недемократами остается лишь насчет вопроса о том, следует ли способствовать лучшему осознанию людьми собственных потребностей и интересов, а также информированности об обстоятельствах, влияющих на удовлетворение этих потребностей и интересов, то есть следует ли вообще пытаться максимально реализовать идеал человека, определяющего собственную судьбу.

От индивида к народу / From individuals to the people

Если даже мы находим демократию нормативно привлекательной потому, что она отвечает нашим представлениям о развитии полноценной дееспособной личности, то проблемы возникают при экстраполяции этих представлений на политическую сферу, где самоуправляющимся субъектом является уже не индивид, а коллектив (народ).

Во-первых, поскольку в идеале демократии речь идет не о том, что тот или иной человек определяет свою индивидуальную судьбу, а о том, что совокупность людей определяет их общую судьбу, следует иметь в виду, что у общества в целом, в отличие от конкретных людей, нет собственных воли и разума. То, что мы называем волей народа, или общей волей, является фикцией, за которой могут скрываться некоторая процедура агрегации противоречащих друг другу индивидуальных предпочтений; представления о справедливости, вообще не зависящие от частных волеизъявлений и решений (например, понятие всеобщности у И. Канта); полное совпадение индивидуальных предпочтений.

При этом идея, согласно которой существует априорная справедливость, совершенно независимая от любых частных волей (как то мыслил И. Кант), сегодня уже не выглядит столь убедительно, по крайней мере, среди теоретиков демократии; не подразумевают последние и то, что индивидуальные предпочтения членов общества полностью совпадают (скорее, утверждается обратное, что полного совпадения тут принципиально не может быть). Следовательно, демократия обычно оправдывается как процедура, которая суммирует противоречащие друг другу индивидуальные предпочтения. Однако в таком

случае вряд ли выражение «воля народа» или «общая воля» здесь вообще применимо: всегда торжествует либо воля большинства, либо воля меньшинства (в крайнем случае — одного диктатора). Возможна также ситуация, когда та или иная процедура приводит к принятию решения, противоречащего воле всех членов общества [Haskell, 2001], но и его вряд ли корректно считать выражением воли народа. В общем, отдельный человек в любом случае подчиняется правительству, которое он, возможно, не выбирал, а также решениям, за которые он, возможно, не голосовал.

Часто под волей народа понимают волю большинства подвластных лиц. Однако, как неоднократно отмечалось в научной литературе, большинство и меньшинство также зависят от того, какую процедуру мы применяем. Это обстоятельство наглядно демонстрируется, например, дискурсивной дилеммой (парадокс Острогорского) [List, Pettit, 2004; Setälä, 1999], проблемой сепарабельности [Клима, Ходж, 2007] или парадоксом Кондорсе [Arrow, 1951]. Выявляемые ими особенности общественного выбора показывают, что результат, который одобряет большинство, зависит от того, как именно сформулированы вопросы и в каком порядке они задаются, а также от того, какие именно коалиции (сговоры) избирателей достигнуты на момент голосования. При этом предполагается, что избирателей не вводят в заблуждение, а их чувствами никто не манипулирует; сама процедура голосования не влияет на подлинные предпочтения избирателей, а ее вариации не искажают суть проблемы. Несмотря на все это, результат голосования может оказаться совершенно разным в зависимости от того, разбиваем ли мы проблему на несколько вопросов, в каком порядке задаем их, а также от того, известны ли избирателям при очередном голосовании результаты предыдущих голосований, и имеются ли предварительные договоренности (компромиссы) различных групп избирателей на момент голосования. Таким образом, если понимать коллективную волю (общую волю, волю народа) как волю большинства, то не существует никакой коллективной воли, которая была бы независима от применения той или иной процедуры [Riker, 1988]. Вот почему не воля большинства является показателем демократии, а сама конкретная модель демократии есть ответ на вопрос о том, что считать волей большинства.

Во-вторых, в идее правления народа проблематично само понятие народа (волю каких именно лиц мы определяем и агрегируем?). Дело здесь не в относительности и дискуссионности критериев, по которым обычно выделяются те или иные народы (общий язык, культура, история и т.п.), ведь соответствующие

возражения в демократической теории традиционно преодолеваются указанием на то, что в принятии решений вправе участвовать все лица, чьи интересы затрагиваются данными решениями (народ в смысле общества). Проблема здесь именно в определении заинтересованных лиц [Bray, 2011]. Для начала неясно, кто будет определять круг таких лиц. С одной стороны, поручить данную задачу стороннему субъекту означало бы отступление от самой идеи демократии, к тому же связанную с множеством практических трудностей в области выявления причинно-следственных связей, рисков и действительных потребностей. С другой стороны, если бы мы позволили людям самим определять, затронуты ли их интересы, то для принятия подавляющего большинства решений пришлось бы создавать либо единое мировое правительство, либо органы власти / избирательные округа (применительно к каждому отдельному решению), поскольку ни одна ограниченная территория (особенно в условиях глобализации) не охватывала бы всех заинтересованных лиц по каждому из решений.

Помимо сказанного, неясно, как определять степень заинтересованности. С одной стороны, несправедливо предоставлять равные политические возможности как более, так и менее заинтересованным лицам (например, гражданам и иностранцам). С другой стороны, различие степеней заинтересованности всегда связано со злоупотреблениями (здесь, опять же, мы либо навязываем людям извне некоторое понимание их интересов, что не вполне демократично, либо позволяем одним лицам и группам лиц ущемлять других). Нельзя сказать, что названные трудности в принципе непреодолимы. Однако они, как видится, заставляют нас либо коренным образом изменить традиционные представления о демократии и надлежащих механизмах ее воплощения, либо признать ограниченность идеи демократии как коллективного самоуправления рамками, заданными вне самого коллектива.

Итак, даже если мы полагаем, что осведомленные, свободные и рационально мыслящие люди вправе сами определять свою судьбу, из этого еще не следует, что народ (что бы ни подразумевалось под этим термином) вправе сам определять свою судьбу. Тезис «народ должен сам определять свою судьбу» практически не имеет смысла, в отличие от тезиса «человек должен сам определять свою судьбу», поскольку ничего не говорит о процедурах принятия коллективного решения, без которых «воля» данного коллектива является фикцией, а также о критериях отнесения к коллективу. Именно этого, как правило, и не учитывают большинство теоретиков демократии,

которые пытаются найти в демократических процедурах нормативную ценность, не зависящую от результата их применения [Урбинати, 2016]. В действительности нормативная привлекательность тезиса о том, что человек должен сам определять свою судьбу, не означает такой же нормативной привлекательности тезиса, что народ должен определять свою судьбу: правление народа — это вещь крайне эфемерная.

Из сказанного следует, что представления о народном суверенитете, народном самоуправлении и т.д. в лучшем случае являются лишь чрезвычайно малой частью представлений о справедливости. В итоге мы имеем лишь тезис о том, что дееспособные лица, чьи интересы затрагиваются принимаемым решением, вправе участвовать в принятии данного решения, потому что это, вероятно, будет в большей степени способствовать реализации указанных интересов, а также потому, что контроль индивида над собственной жизнью есть благо само по себе. Однако так узко понимаемая демократическая идея принципиально не определяет конкретные формы данного участия (непосредственное или опосредованное, равное или неравное, постоянное или временное и т.д.). В частности, любые нюансы избирательной системы остаются в полном распоряжении внеположных критериев (представлений о нормативной правильности, не связанных с идеей народного самоуправления).

Политическое равенство / Political equality

Другая причина, по которой демократия рассматривается как неотъемлемая часть справедливости, — это идея политического равенства. Суть указанной идеи заключается в том, что каждое заинтересованное лицо должно иметь равные политические права. Формальное неравенство политических прав простого гражданина и должностного лица (депутата, президента, судьи и т.д.) аргументируется здесь, во-первых, тем, что непосредственное управление обычно невозможно по практическим соображениям, а потому требуются представители. Во-вторых, тем, что наделение этих представителей особыми полномочиями происходит либо с санкции самих граждан, имеющих равное право голоса, либо посредством честных процедур, в которых могут принять участие все граждане на равных, например с помощью жеребьевки (лотереи), хотя тогда вряд ли можно говорить о демократии, так как на место воли народа встает воля случая. При этом важно отметить, что идея политического равенства, подобно идее народного самоуправления, не дает ответов на вопросы о том, какими именно способами агрегировать мнения и волеизъявления политически равных лиц и какими именно должны быть политические права граждан.

Относительно убедительности идеи политического равенства хотелось бы отметить следующее. Современные мыслители обычно рассматривают политическое равенство (то есть равенство в правах на принятие решений) неизменным атрибутом сущностного равенства (то есть равного учета интересов каждого при принятии решений) и именно через последнее оправдывают первое. Так, например, Р. Даль утверждает, что «цели каждого взрослого гражданина республики должны иметь равное значение при определении государственной политики» (сущностное равенство) [Dahl, 2006, p. 32], и именно поэтому каждый взрослый гражданин вправе высказывать свою позицию по государственной политике (политическое равенство). Однако и в теории, и на практике эти два вида равенства – сущностное и политическое – могут существовать отдельно друг от друга (подобно тому, как в отношениях родителей и детей неравенство в правах на принятие решений еще не означает дискриминацию детей, то есть меньший учет их интересов). Как замечает, например, Дж. Бреннан, требование морального (сущностного) равенства в действительности предполагает политическое неравенство, поскольку очевидно, что одни люди имеют больше способностей принимать политические решения, чем другие [Brennan, 2016]. Следовательно, мы должны либо обосновать полезность политического равенства для сущностного равенства (на основе общих фактов), поставив их в отношения средства и цели (а это, по сути, означает, что демократия – лишь средство справедливости), либо найти какое-то иное обоснование политического равенства как самоцели, потому что общепотребительное обоснование явно неубедительно.

Сказанное можно продемонстрировать на примере позиции Р. Даля, который противопоставляет процедурную и сущностную демократию. По мнению данного ученого, демократическая процедура сама по себе важна не только потому, что ее применение ведет к наиболее справедливому результату, но и потому, что справедливость требует определенного распределения властного ресурса, достигаемого как раз демократической процедурой [Даль, 2003]. Как представляется, аргумент Р. Даля несостоятелен, так как он воспринимает власть как некий ресурс, который можно распределить между частными лицами подобно материальным богатствам. Между тем важнейшая разница между этими двумя благами состоит в том, что власть над обществом, в отличие от денег, в самой своей идее подразумевает запрет на ее использование в частных целях. Следовательно, осуществление политической власти всегда предполагает действия в интересах всех членов общества.

Однако при таких обстоятельствах важно не столько то, кто осуществляет власть, сколько то, правильно ли она осуществляется. Иными словами, сама по себе демократическая процедура, вопреки Р. Далю, не является сущностным требованием справедливости, а острый конфликт между формальной процедурой (в том числе демократической) и природной правильностью (в том числе основными правами человека), который Р. Даль разными способами пытается нивелировать, остается. Принцип сущностного равенства вовсе не требует равенства политического.

Есть, впрочем, и другие способы морального обоснования политического равенства. Например, если мы исходим из того, что справедливым является не сущностное равенство (отвечающее кантовскому прочтению справедливости), а максимальное удовлетворение предпочтений (вне зависимости от того, кому из членов общества эти предпочтения принадлежат), как то предлагают различные варианты утилитаризма, то политическое равенство может быть оправдано как средство для такой цели (эффективность которого, конечно, будет определяться множеством других условий). Соответствующие оправдания зависят не только от убедительности утилитаристской трактовки справедливости, но и от доказанности эмпирических фактов, свидетельствующих об эффективности данного средства, и в обоих аспектах все не так очевидно.

В любом случае приведенные обоснования политического равенства носят инструментальный, а не сущностный характер. Иными словами, политическое равенство обосновывается со ссылкой на какой-то содержательный результат, а не как ценное само по себе.

Предположим, однако, что содержательной справедливости не существует или она непознаваема, однако у каждого человека есть собственные интересы, которые он отстаивает. В этом случае политическое равенство могло бы рассматриваться как процедурная справедливость, которая, тем не менее, полагается существующей и познаваемой (или, по крайней мере, более очевидной, чем содержательная справедливость). В этом случае непонятно, зачем политическое равенство должно выражаться именно в волеизъявлении граждан, а не в алеаторных решениях всех вопросов: в конце концов, если содержательная справедливость неизвестна, почему бы не урегулировать конфликт интересов путем простого подбрасывания монеты? Сама по себе отсылка к политическому равенству не может дать ответа на этот вопрос. Мы вновь должны привлекать здесь идеал индивидуального самоуправления: индивидам, как правило, выгоднее самим контролировать процесс принятия решений, а не отдавать его на волю случая.

Однако отдельным индивидам может быть совсем не выгодно политическое равенство: гораздо лучше контролировать процесс принятия решений единолично.

Таким образом, самоценность демократии налицо лишь тогда, когда мы принимаем оба идеала, индивидуальное самоуправление и политическое равенство, и при этом отрицаем существование и познаваемость содержательного идеала справедливости. Как только мы признаем некоторую содержательную справедливость, политическое равенство может быть поставлено под сомнение с точки зрения средства достижения последней, а самоценность индивидуального самоуправления должна быть некоторым образом с ним согласована (иными словами, нужно будет определить вес каждой из данных ценностей).

При этом необходимо иметь в виду, что столь распространенные явления, как избирательный барьер, квоты представительства для меньшинств, требования к кандидатам на должности (достижение определенного возраста, отсутствие судимостей, проживание в своем избирательном округе, наличие гражданства и т.п.), ограничения срока правления (запрет на переизбрание) и т.п. являются, по всей видимости, примерами общепризнанного отклонения от принципа политического равенства, поскольку ущемляют права тех избирателей, которые хотели бы проголосовать за кандидата или партию, не удовлетворяющих данным ограничениям. Голосования по принципу квалифицированного большинства также нарушают принцип политического равенства, так как придают разный вес отданным голосам (меньшинство может заблокировать решение большинства). Кроме того, ситуация, когда все имеют формально равные, но фактически неравные политические права, по сути, мало чем отличается от ситуации, когда у одних есть политические права, а у других — нет. Вот почему те правовые порядки, которые принято называть демократическими в действительности не слишком придерживаются политического равенства. Очевидно, что политическое равенство далеко не всегда оказывается привлекательнее других идеалов. Причина этого двояка: с одной стороны, помимо процедурной справедливости, современные правовые порядки могут ориентироваться на те или иные понимания содержательной справедливости (критика с социальной перспективы). С другой стороны, иногда оказывается, что для блага самого индивида лучше ограничить его возможности по принятию решений, затрагивающие его интересы (критика с индивидуальной перспективы).

Правило большинства / Majority rule

Наконец, рассматривая вопрос о самоценности демократии, нельзя не коснуться вопроса об обоснованности конкретных процедур голосования. Наибольшее внимание в литературе уделяется так называемому правилу большинства, согласно которому решения должны приниматься простым большинством голосов, а также правилу единогласия. Выше было показано, что, в зависимости от множества процедурных условий, решения, принятые в соответствии с данным правилом большинством или даже единогласно, могут оказаться совершенно различными. Однако что если не пытаться увидеть в решениях большинства или всех граждан фикцию воли народа, а попытаться обосновать соответствующие процедуры сами по себе?

Правило большинства многими считается неизменным признаком демократии. Однако следует согласиться с П. Розанваллоном, который указывал, что не правило большинства, а «образ единогласия с самого начала лежал в основе демократической идеи» [Розанваллон, 2015, с. 6]. Обращение к данному правилу происходит в связи с тем, что правило единогласия, на первый взгляд, убедительное, обнаруживает существенные недостатки. Эти недостатки сопряжены, во-первых, с огромными затратами времени, которые на практике требуются для достижения единогласия, даже если все стороны действуют добросовестно (общие издержки достижения единогласия в конце концов могут перевесить общие выгоды от него). Во-вторых, с возможным стратегическим поведением (например, если человек знает, на что минимально согласна другая сторона, то он не будет соглашаться с ее предложениями до тех пор, пока она не умерит свои амбиции до этого минимума), при котором преимущества получает тот, кто владеет большей информацией или готов терпеть большее количество связанных с переговорами издержек (а эти факторы далеко не всегда распределяются справедливо). В-третьих, с критикой согласия как единственного основания для возникновения обязательств (для правоведов очевидно, что обязательства могут возникать не только из договора, а субъект часто не обладает психосоциальными характеристиками, позволяющими ему выразить согласие на что-либо). Таким образом, единогласие порой несправедливо, а порой и неэффективно.

В свое время Р. Даль предложил четыре способа обосновать правило большинства. Ученый доказывал, что принятие решений простым большинством голосов:

1) максимизирует количество людей, имеющих возможность самоопределения;

2) является единственным способом, позволяющим принять однозначное решение и одновременно удовлетворяющим условия анонимности, нейтральности и монотонности (теорема Мэя);

3) увеличивает вероятность принятия правильных решений (теорема присяжных Кондорсе);

4) максимизирует общее благосостояние.

При этом сам же Р. Даль обратил внимание на несовершенство каждого из этих аргументов. Необходимо, в частности, иметь в виду, что правило большинства:

1) максимизирует самоопределение людей только в случае, если состав политической общности является оптимальным (отсутствуют меньшинства, чье отделение могло бы максимизировать общее самоопределение);

2) нейтрально по отношению к возможным альтернативам, только если существует всего две альтернативы, в противном случае нейтральность зависит от конкретной системы голосования;

3) увеличивает принятие правильных решений только в случае, если каждый избиратель с большей вероятностью проголосует правильно (теорема присяжных Кондорсе);

4) гарантировано максимизирует общее благосостояние, только если выигрыш одного всегда равен проигрышу другого.

Указанные возражения делают весьма сомнительной попытку оправдать правило большинства на общетеоретическом уровне. Именно к такому выводу и приходит Р. Даль: по его обоснованному мнению, и правило большинства, и его альтернативы имеют серьезные недостатки, поэтому поиск общего правила принятия коллективных решений обречен на неудачу [Даль, 2003]. На самом деле в литературе приводится гораздо больше аргументов в пользу правила большинства (сокращение издержек по сравнению с правилом единогласия, реализация принципа политического равенства, легитимационный потенциал и т.д.). Однако и эти аргументы также встречают соответствующие возражения (в том числе оспаривается сам принцип политического равенства, оспаривается легитимирующий эффект правила большинства и т.д.) [Schmidt, 2006].

Как отмечает Д. Мюллер, встречающиеся в научной литературе по теории общественного выбора попытки оправдать правило единогласия основаны на одних допущениях (например, что политика — это игра с положительной суммой, направленная на повышение аллокативной эффективности, при добровольном объединении индивидов и свободном выходе

из объединения, с открытой повесткой и возможностью постоянного пересмотра предложений), тогда как попытки оправдать правило большинства основаны на прямо противоположных допущениях (политика — это игра с нулевой суммой, направленная на перераспределение благ и установление прав собственности, при этом предпочтения индивидов равны по интенсивности, членство в объединении недобровольно, а выход из него блокирован, повестка формируется экзогенно и принятые решения не подлежат пересмотру). Кроме того, Д. Мюллер показывает, что обоснованность правила единогласия зависит от обоснованности правила большинства и наоборот [Мюллер, 2007]. Таким образом, в части оценки демократических процедур мы снова видим, что спор заключается не только в различиях нормативных оценок, но и в различном понимании реальных фактов и практик, к которым эти нормативные оценки применяются.

Сказанное демонстрирует, что ни правило единогласия, ни правило большинства не могут быть обоснованы сами по себе и зависят от множества как общих, так и конкретных обстоятельств. Тем не менее, на самом деле существует огромное количество способов принятия решений, поэтому альтернатива не сводится к выбору между правилом большинства и правилом единогласия. Однако и этот более обширный взгляд показывает, что вряд ли какая-либо процедура голосования может быть оправдана как ценная сама по себе, так как всегда имеют значение детали конкретной ситуации.

Так, в научной литературе популярно сравнение различных избирательных систем с привлечением теории общественного выбора. В частности, при сравнении избирательных систем, предназначенных для выявления одного победителя, используется целый ряд критериев. Как правило, такие критерии связаны с определением результатов голосования; условно их делят на абсолютные и относительные. Абсолютные критерии показывают, при каком результате голосования та или иная альтернатива должна победить или проиграть (критерий большинства, критерий проигравшего согласно большинству, критерий взаимного большинства, критерий Смита, критерий Кондорсе, критерий проигравшего по Кондорсе и др.). Относительные критерии определения результата голосования, в свою очередь, показывают, как результат голосования должен соотноситься с результатами схожего гипотетического голосования (критерии участия, монотонности, согласованности, обратной симметрии, независимости от посторонних альтернатив, независимости от клонов и др.; здесь же можно назвать связанные со стратегией избирателя критерии последующего непричинения вреда,

последующего отсутствия помощи, непредательства собственного фаворита и т.п.). Фактически они направлены на выявление неадекватного отражения предпочтений избирателей в результатах выборов. Ситуация осложняется тем, что, помимо критериев избирательных систем, связанных с определением результата, имеются критерии, связанные исключительно с процедурой и вытекающие из принципа политического равенства. К таковым относятся, например, упоминаемые в теореме Мэя критерии анонимности (равенства избирателей) и нейтральности (равенства альтернатив) [Клима, Ходж, 2007]. В знаменитой теореме невозможности демократии К.Дж. Эрроу вводятся два схожих, но более слабых критерия – отсутствие диктатора и полнота возможных результатов [Arrow, 1951].

Что касается критериев, по которым сравниваются избирательные системы, предназначенные для выявления нескольких/многих победителей, то здесь на первое место выходит критерий пропорциональной представительности (важно отобразить не только те альтернативы, которые поддержало большинство, но и – в соответствующей пропорции – все остальные, с целью добиться пропорционального учета различных предпочтений). Одновременно применительно к голосованиям с множественностью победителей продолжают действовать многие относительные критерии результата, позволяющие оценить адекватность результатов выборов предпочтениям избирателей, а также критерии анонимности и нейтральности, связанные с принципом политического равенства.

Так или иначе, те избирательные системы, которые предлагаются различными авторами, имеют одну общую черту: они могут учесть одни критерии в большей степени, а другие – в меньшей, но принципиально не могут учесть все сразу, а вероятность удовлетворения тех или иных критериев часто зависит от конкретных обстоятельств применения избирательной системы и требует подтверждения посредством анализа опыта такого применения. Вот почему в научной литературе отсутствует консенсус касательно «наилучшей» избирательной системы. В целом же подавляющее большинство вышеуказанных критериев (как абсолютных, так и относительных) связано с попыткой максимизировать количество удовлетворенных предпочтений, достигнуть Парето-эффективности или обеспечить выгоду каждого (то есть предполагается некоторая трактовка содержательной справедливости, в частности, игнорирующая причины, по которым стороны оказались в текущих условиях, и вопросов о том, чего они морально заслуживают), и лишь некоторые критерии апеллируют к самооценности процедуры (с точки зрения политического равенства,

убедительность которого уже поставлена нами под сомнение выше). Одновременно теория общественного выбора, руководствуясь абстрактными моделями, игнорирует множество факторов, которые будут иметь значение на практике (эффективность, стабильность, легитимность и контролируемость избирательной системы и общественных практик в целом, простота и быстрота голосования и многие другие) [Грин, Шапиро, 1994].

Итак, мы видим, что типичные обоснования правила большинства, правила единогласия или иных правил принятия решений инструментальны и относительны. Эти обоснования в целом далеки от того, чтобы представить соответствующие процедуры как имеющие некоторую внутреннюю справедливость, и лишь в малой части они отсылают к уже знакомой идее политического равенства (которую можно рассматривать как идею процедурной справедливости).

Заключение / Conclusion

Мы рассмотрели позицию, согласно которой демократия является неотъемлемой частью справедливости, то есть самоценна. Обоснования данной позиции в целом не вполне убедительны, и даже если в каком-либо смысле признавать демократию чем-то внутренне ценным (отвечающим процедурной идее политического равенства), вышеприведенный анализ показывает, что справедливость не может быть полностью сведена к демократии (помимо процедурной справедливости, есть и содержательная, причем ценность последней, вероятно, может перевешивать ценность первой) и что демократия определяет лишь весьма незначительную долю вопросов справедливости (даже если любое справедливое решение демократично, не любое демократичное решение справедливо). Иными словами, демократия всегда нуждается во внеположных ей политических идеалах. Если же исходить из того, что никаких «содержательных» идеалов не существует или что они принципиально непознаваемы, то и в этом случае демократия не может быть признана самоценной, поскольку преимущество перед другими формами правления она получает лишь при совмещении (попытке одновременного учета) социальной и индивидуальной перспектив, то есть доводов в пользу процедурной справедливости демократии и субъективных представлений каждого из подвластных, что именно тот вариант процедурной справедливости, который воплощается в демократическом участии, будет выгоднее лично для них (соответственно, чем больше подвластных считают, что для реализации их интересов им нужны права, связанные с участием в управлении государством, тем больше будет поддержка демократии в обществе).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грин Д., Шапиро И. Объяснение политики с позиций теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать? Полис. Политические исследования. 1994;3:59–74.

Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН; 2003. 574 с.

Клима Р.Э., Ходж Дж.К. Математика выборов. М.: Московский центр непрерывного математического образования; 2007. 224 с.

Мюллер Д. Общественный выбор III. Пер. с англ. А.П. Заостровцева, А.С. Скоробогатова. М.: Высшая школа экономики; 2007. 994 с.

Розанваллон П. Демократическая легитимность. Беспристрастность, рефлексивность, близость. Пер. с фр. Н. Богдановой. М.: Московская школа гражданского просвещения; 2015. 300 с.

Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Издательство Института Гайдара; 2016. 448 с.

Штаммлер Р. Теоретические основы анархизма. М.: Свободная мысль; 1906. 70 с.

Arrow K.J. Social choice and individual values. New Haven: Wiley; 1951. 99 p.

Bray D. Pragmatic cosmopolitanism. Representation and leadership in transnational democracy. New York, London: Palgrave Macmillan; 2011. 265 p.

Brennan J. Against democracy. Princeton: Princeton University Press; 2016. 304 p.

Dahl R. A Preface to democratic theory. Chicago: University of Chicago Press; 2006. 163 p.

Goodin R.E. Reflective democracy. New York: Oxford University Press; 2003. 279 p.

Haskell J. Direct democracy or representative government? Dispelling the populist myth. Boulder, Oxford: Westview Press; 2001. 212 p.

List Ch., Pettit Ph. Aggregating sets of judgments: two impossibility results compared I. Synthese. 2004;1(140):207–235. <http://dx.doi.org/10.1023/B:SYNT.0000029950.50517.59>

Riker W. Liberalism against Populism. A confrontation between the theory of democracy and the theory of social choice. Long Grove: Waveland Press; 1988. 311 p.

Schmidt M.G. Theories of democracy. Introduction. Wiesbaden: Springer VS; 2006. 608 p. (In German).

Setälä M. Referendums and democratic government: normative theory and the analysis of institutions. London, New York: Springer; 1999. 200 p.

REFERENCES

Arrow K.J. Social choice and individual values. New Haven: Wiley; 1951. 99 p.

Bray D. Pragmatic cosmopolitanism. Representation and leadership in transnational democracy. New York, London: Palgrave Macmillan; 2011. 265 p.

Brennan J. Against democracy. Princeton: Princeton University Press; 2016. 304 p.

Dahl R. Democracy and its critics. Moscow: ROSSPEN; 2003. 574 p. (In Russian).

Dahl R. A Preface to democratic theory. Chicago: University of Chicago Press; 2006. 163 p.

Goodin R.E. Reflective democracy. New York: Oxford University Press; 2003. 279 p.

Green D.P., Shapiro I. Rational choice explanation of politics: why has so little been learned? Polis. Political Studies. 1994;3:59–74. (In Russian).

Haskell J. Direct democracy or representative government? Dispelling the populist myth. Boulder, Oxford: Westview Press; 2001. 212 p.

Klima R.E., Hodge J.K. The mathematics of voting and elections. A hands-on approach. Moscow: Moscow Center for Continuous Mathematical Education; 2007. 224 p. (In Russian).

List Ch., Pettit Ph. Aggregating sets of judgments: two impossibility results compared I. Synthese. 2004;1(140):207–235. <http://dx.doi.org/10.1023/B:SYNT.0000029950.50517.59>

Mueller D. Public choice III. Trans. from Eng. A.P. Zaostrovsev, A.S. Skorobogatov. Moscow: High School of Economics; 2007. 994 p. (In Russian).

Riker W. Liberalism against Populism. A confrontation between the theory of democracy and the theory of social choice. Long Grove: Waveland Press; 1988. 311 p.

Rosanvallon P. Democratic legitimacy. Impartiality, reflexivity, proximity. Trans. from Fr. N. Bogdanova. Moscow: Moscow School of Civic Education; 2015. 300 p. (In Russian).

Schmidt M.G. Theories of democracy. Introduction. Wiesbaden: Springer VS; 2006. 608 p. (In German).

Setälä M. Referendums and democratic government: normative theory and the analysis of institutions. London, New York: Springer; 1999. 200 p.

Stammeler R. Theoretical foundations of anarchism. Moscow: Svobodnaya mysl'; 1906. 70 p. (In Russian).

Urbinati N. Democracy disfigured. Opinion, truth and the people. Trans. from Eng. D. Kralechkin. Moscow: Gaidar Institute Publ. House; 2016. 448 p. (In Russian).